

РУССКИЙ НИНДЗЯ

МИХАИЛ СЕРЕГИН

КИТАЕЦ:
МАСТЕР КУЛАЧНОГО БОЯ

Китаец

Михаил Серегин
Мастер кулачного боя

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Мастер кулачного боя / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Китаец)

Преуспевающий бизнесмен Монахов, казалось бы, надежно обезопасил свою жизнь – и дом его охранялся, и оружие на случай нежелательных визитеров имелось. Одного не смог предусмотреть – что будет убит собственной женой. Но такова официальная версия. Зато частному детективу Владимиру Танину по кличке Китаец далеко не все ясно в этой истории. Поговорив с женой бизнесмена, находящейся в сизо, сыщик стал подозревать, что ее просто подставили. И тогда Китаец взялся за дело с присущими ему напором и бесстрашием, устраняет на пути всех, кто ему мешает, с помощью кулака – ведь он мастер восточных единоборств. Довольно скоро он получил подтверждение своей версии – на его глазах убили охранника, дежурившего в тот день в доме Монахова...Ранее книга издавалась под названием «Китаец: Развод по-китайски»

© Серегин М. Г.

© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Серегин

Китаец: Мастер кулачного боя

Глава 1

Монахов проснулся от странного шума, доносившегося из холла. Ему показалось, что кто-то, стараясь двигаться как можно осторожнее, передвигается за дверями спальни.

Сорокачетырехлетний Олег Борисович Монахов вместе с женой жил на третьем этаже четырехэтажного элитного дома, выстроенного в прошлом году в тихом центре Тарасова в двух кварталах от комплекса зданий областной администрации. «Наверное, Ленке не спится и она пошла курить», – подумал Монахов о жене, потому что никакой другой мысли в голову ему не приходило. Мишку – своего телохранителя – он отпустил поздно вечером, лично заперев за ним тяжелую металлическую дверь, и проникнуть в квартиру кому-то извне было довольно проблематично. Внизу, сменяясь каждые двенадцать часов, дежурил охранник из частной фирмы, проверяя каждого изъявившего желание попасть в дом, а на пластиковых окнах была установлена сигнализация, подключенная к пульту вневедомственной охраны.

Но Ленка – его молодая жена, – двадцатипятилетие которой они недавно с помпой отпраздновали в «Золотом роге», обычно не старалась соблюдать в доме тишину и, хотя на полах лежали толстые ковры, заглушавшие шаги, все равно умудрялась то уронить стул, то свалить со стола книгу или бокал, то громко хлопнуть дверью, выходя из спальни. Именно приглушенный шум – как будто кто-то боялся нарушить тишину, – который донесся из-за двери, заставил Монахова насторожиться и даже покрыться мелким холодным потом. Он потянул за шнурок бра, и спальня наполнилась мягким рассеянным светом. Подняв с прикроватной тумбочки пульт дистанционного управления, Монахов изменил температурный режим, создаваемый сплит-системой, подняв температуру на несколько градусов.

Несмотря на все меры предосторожности, Олег Борисович, кроме всего прочего, держал в доме пистолет Макарова. Каждый вечер он доставал его из специального стального сейфа и клал под подушку. На этот раз, запустив руку под подушку, пистолета он там не обнаружил. Монахов рывком отбросил подушку в сторону и тупо уставился на бледно-сиреневую простыню, на которой осталась неглубокая вмятина от «пээма». «Что за черт!» – еще больше похолодел Олег Борисович, опуская ноги в кожаные шлепанцы. Ситуация в доме решительно не нравилась ему.

Накинув тяжелый махровый халат, Монахов нагнулся к тумбочке, вынул оттуда нож с выкидным лезвием, который подарил ему один знакомый, полгода назад вернувшийся с зоны, и сунул его в карман. Обогнув широкую двуспальную кровать, он направился к двери и уже собирался толкнуть ее, но она открылась как бы сама собой.

Вздвогнув от неожиданности, Монахов увидел в падающем из спальни свете свою жену. Она была в узких красных трусиках, которые так его всегда возбуждали, и прозрачной маечке на тонких лямках, едва доходившей до пупка. В ее красивых глазах Монахов заметил страх и какую-то обреченность.

– Что случи... – спросил было он, но осекся, увидев, что она держит в дрожащих руках «ПМ», направив дуло ему в грудь.

– Ты ведь не сделаешь этого? – Горло Монахова мгновенно пересохло, и слова от этого выходили корявыми и какими-то вязкими одновременно.

Ему показалось, что говорит не он, а кто-то другой, незнакомый. Лихорадочно работавший мозг Олега Борисовича мгновенно перебрал несколько вариантов возможных действий: броситься на пол и откатиться под кровать, метнуться вправо или влево и спрятаться за стеной,

кинуться вперед и выбить из рук жены пистолет, пока она не успела выстрелить, тем более что их разделяло не более двух шагов, но ничего из этого он не сделал. Просто не смог. Какая-то сила словно парализовала его, сковав мышцы невидимыми путами.

– Ты не убьешь меня, – неуверенно произнес Монахов, и это были последние в его жизни слова.

– Нет, – сквозь слезы прошептала Лена, надавив на спусковой крючок.

Монахов отшатнулся, почувствовав, как грудь обожгло чем-то огненно-горячим, схватился за нее руками и, сделав несколько шагов назад, повалился на кровать.

Вопреки сложившемуся почему-то мнению, что звука выстрела, от которого умираешь, не слышно, Олег Борисович явственно различил грохот и даже почувствовал запах пороховых газов, вытолкнувших под огромным давлением пулю из ствола. «За что?» – успел подумать он уже безо всякого страха, а только лишь с удивлением. После этого взор его померк, но он успел заметить, как пистолет выпадает из ослабевших рук его жены, и она сама, словно подкошенная, падает на пол. Глаза Монахова увидели что-то еще, но сигнал, запечатлевшийся на сетчатке, так и не дошел до его мозга.

* * *

Понедельник для Владимира Танина, которого близкие знакомые называли Китайцем, потому что в его жилах действительно текла китайская кровь, почти ничем не отличался от других дней недели, включая субботу и воскресенье. Он был сам себе хозяин в том плане, что владел небольшим детективным агентством и принимал на себя какие-то обязательства только тогда, когда работа его устраивала. Бывали, конечно, времена, когда приходилось браться за «оленьи» дела, как Танин называл слежку за неверными супругами, но сейчас он вполне мог себе позволить не работать два-три месяца. Он не нуждался в отпуске, как его представляет себе российский обыватель, будь он хоть трижды олигархом. Иной раз он и работу воспринимал в качестве отдыха, если она была интересной и захватывающей, пусть и сопряженной с риском для жизни.

По утрам, выпив неизменную чашку какао, сваренного в медном котелке, который он мыл по мере загрязнения (то есть когда котелок, обросший засохшими пенками, переставал вмещать полную чашку жидкости), Танин садился за руль «Массо» и отправлялся в свою конторку. Там он перекидывался несколькими фразами с Лизой – безгранично преданной и безнадёжно влюбленной в него секретаршей, – закрывался в своем небольшом кабинете и предавался размышлениям, которые сдобривал сигаретой и рюмкой-другой хорошего коньяка. Иногда он читал. На полке в его кабинете стояло не больше дюжины книг, среди которых были стихи китайских поэтов, и в первую очередь любимый Цюй Юань, философские статьи и переписка Рене Декарта, два тома Роберта Музиля, несколько томов Пруста и пара детективов Лео Мале. Танин про себя соглашался с Андре Моруа, который утверждал, что за всю жизнь человек должен прочесть всего несколько книг, но чтобы их найти, нужно перелопатить горы макулатуры. Китаец не ручался за точность высказывания, но смысл был именно таков. Он был доволен, что ему удалось найти эти несколько книг, да еще «И Цзын», с которым он советовался в особенно трудных жизненных ситуациях.

В этот понедельник от томика Бо Цзюй-и его оторвала Лиза. Она постучала и, не дождавсь ответа, открыла дверь кабинета. Китаец поднял на нее рассеянный взгляд и сразу же понял, что Бедная Лиза, как он в шутку ее называл, настроена самым решительным образом. Она стояла, уперев одну руку в бок, в кулачке другой у нее были зажаты платежки. Ее белокурые локоны лежали на аккуратной головке в художественном беспорядке, а большие синие глаза готовы были пробуровать его насквозь.

– Тебе чего? – со вздохом спросил Китаец, загибая уголок странички.

– Танин, – почти официально заявила она, – так больше продолжаться не может. Вот, – она подошла и бросила платежки на стол, – сегодня десятое июля.

– По погоде этого не скажешь, – заметил он, взглянув в окно, за которым моросил настоящий осенний дождь.

– Прекрати издеваться, Танин, – еще больше взвилась Лиза, – ты прекрасно знаешь, что в этот день каждый месяц мы платим по счетам.

– Не пойму, чего ты горячишься? – Китаец пожал плечами и принялся ставить свою подпись на каждом листочке. – Кажется, деньги у нас есть. Или я ошибаюсь?

– Есть, есть, – она поджала губы, – ты отлично понимаешь, что я не об этом. Скоро уже три недели, как у нас нет никакой работы. Если так дело пойдет и дальше, то в один прекрасный момент мы обанкротимся, а я хочу еще с тобой поработать. Заметь: с тобой, а не с каким-нибудь толстосумом, у которого вместо живота бурдюк с водкой. Кстати, тебе не мешало бы пить поменьше.

– Кажется, ты регулярно получаешь зарплату, – слегка улыбнувшись ее экспансивности, произнес он. – А что касается выпивки – я уже большой мальчик и вполне отдаю себе отчет в своих действиях. Тебя что-нибудь еще волнует?

– Волнует, и не смейся надо мной, пожалуйста! – воскликнула она. – Лучше ответь мне: почему ты не хочешь работать?

– Почему это – не хочу? – удивился Танин, делая глоток коньяка и закуривая.

– Потому что за три недели, прошедшие с того времени, как ты закончил последнее дело, ты отказался от девяти заказов, три из которых были супервыгодными. И делов-то всего было, что пару дней потаскаться за «объектом», а клиенты – эти толстопузые нувориши – готовы были отвалить тебе за это кучу бобов. Я бы на твоём месте взялась за это только для того, чтобы облегчить их кошельки, набитые зеленью.

– Ну не могу я заниматься слежкой, – соврал Китаец, – да и «Массо» мой слишком приметный для такой работы.

– Не надо мне вешать лапшу на уши, – отвергла Лиза этот аргумент. – Я давно уже не маленькая девочка. На время ты бы мог поменяться машинами с Мамусей, как ты это уже делал. Или, на худой конец, купить какую-нибудь ржавую «копейку». Скажи лучше, что тебе лень работать.

– Ты почти угадала, взрослая девочка, – улыбнулся Танин, – мне лень подсматривать, хотя иногда я это делаю... Я жду настоящего дела.

– Тогда дай объявление в газетах, – настаивала Лиза. – Этого ты почему-то тоже не делаешь.

– Тот, кому нужно, и так меня найдет. – Китаец сделал еще глоток коньяка, затянулся и затушил окурочек в пепельнице. – Кстати, чтобы тебя немного успокоить, могу сказать. Скоро у нас появится работа. Так говорил И Цзын. Поэтому не суетись, а свари нам кофе.

Лиза, свято верившая во всяческие гадания, предсказания, магию, астрологию, нумерологию и тому подобное, немного успокоилась, даже повеселела, забрала подписанные платежки и отправилась готовить кофе. Вернувшись с двумя маленькими чашками, от которых распространялся горячий аромат, она присела к столу и, хитро посмотрев на шефа, сказала:

– Помнишь, ты обещал сделать мне предсказание по И Цзыну?

– Я обещал?! – ткнул он пальцем себе в грудь. – Не может быть!

– Обещал, обещал, – засмеялась Лиза, видя, что Танин не сможет теперь ей отказать, сославшись на занятость. – Давай прямо сейчас, а?

– Ладно, черт с тобой, – согласился Китаец, – только кофе выпьем.

Танин взял со стола бутылку «Дагестанского». Он поймал на себе косой, неодобрительный взгляд Лизы, но только молча усмехнулся. Задетая таким пренебрежением, Лиза дала волю своим несносным опасениям.

– А без этого ты не можешь? – мотнула она головой, имея в виду коньяк.

– Могу, но не хочу. Я же не анахорет или стоик, чтобы от чего-то воздерживаться... Надеюсь, ты не будешь? – шутливо спросил он.

– Ты и от женщин не воздерживаешься, ни одной юбки не пропустишь... – язвительно заметила не обратившая внимания на его иронию Лиза, которая уже оседлала своего любимого конька.

– Лиза-Лиза, – Китаец растянул губы в ленивой усмешке, – а вот ты не воздерживаешься от колких замечаний, выходящих за рамки субординации. Тебя пора отшлепать...

– Жду не дождусь, а ты все кормишь меня пустыми обещаниями. – Лиза хитро улыбнулась.

Китаец невозмутимо налил себе граммов пятьдесят коньяка и стал греть рюмку в ладонях.

– Я когда узнала, что японцы напиваются до чертиков, – не унималась сердобольная и строгая Лиза, – не поверила! Надо же, такой техничный и прагматичный народ, а тут... – она засмеялась, – каждую неделю закладывают почище наших дорогих россиян. Правда, их не по вытрезвителям, а по домам развозят.

– У нас уже давно нет вытрезвителей, Лиза... Прости, что напоминаю, – Китаец меланхолично поднес рюмку к губам. – За тебя...

Лиза насмешливо и недоверчиво взглянула на шефа. Он опорожнил рюмку в два глотка и поставил ее на стол.

– И потом, чему здесь удивляться? – продолжил он. – Чем задавленное народ в быту, – я, конечно, имею в виду социальную жизнь – строгая регламентация, иерархия, интересы групп, – тем он более подвержен всякой заразе вроде разнузданного пьянства, мордобоя, террора в отношении своих близких, разного рода хулиганства и так далее... Устал перечислять. К тому же я не японец, Лиза. – Он выразительно посмотрел на свою секретаршу, вздумавшую читать ему мораль. – Будь так, давно уволил бы тебя. В Японии с этим строго. – Теперь он уже не скрывал своей насмешки, добродушной, но все-таки насмешки.

– Знаю, Танин. – Лиза осторожно отхлебнула кофе. – Японцы во всем подражали китайцам.

– Почти так же, как римляне – грекам, – подхватил Китаец, взявший в руки чашку с кофе.

– Наверное, это в тебе что-то вроде атавизма шевелится... – сощурила свои синие глаза Лиза.

– Что?

– Пренебрежение ко всему, что моложе Древнего Китая, – скаламбурила Лиза, – в том числе и ко мне. Но я тебе скажу... То, что касается женщин, здесь ты настоящий варвар. – Лиза горделиво вскинула подбородок.

– Пусть так. – Китаец зевнул.

Ему до смерти надоело вести с Лизой этот непродуктивный разговор. Он вообще удивлялся тому, что еще недавно горел к ней самой настоящей плотской страстью. Сейчас она казалась ему несмышленным ребенком, прозябающим в сумерках извинительного невежества относительно всего доподлинно китайского. Он тонко улыбнулся своему скепсису, приветствуя его словно избавление от прошлых безумств, безумств по-своему упоительных, хотя и невоплощенных.

Не успел он сделать еще один глоток, как послышались чьи-то быстрые шаги в приемной. Еще через секунду дверь кабинета распахнулась и на пороге возникла массивная, но энергичная фигура Бухмана.

– Привет, – с порога кинул он, вытирая лоб платком, – Ли Зи, – с озабоченным видом салютовал он Лизе, которая уже восторженно улыбалась. – У меня к тебе дело, – он вскинул глаза на Танина.

– Насколько я понимаю, серьезное... – Танин внимательно посмотрел на друга, – иначе ты бы так не вспотел... Тем более что на улице настоящая осень.

– Да, – слабо улыбнулся Бухман, – ты неплохой детектив, дело не просто серьезное, а еще и сложное.

Китаец показал Лизе глазами, что время их «милой» беседы тет-а-тет истекло. Лиза нахмурилась, встала и, еще раз ободряюще улыбнувшись Бухману, вышла из кабинета.

– Свари еще чашку, – крикнул ей вдогонку Китаец.

Дверь снова открылась, и Лиза с видом оскорбленного достоинства сказала в проем:

– Мог бы и не говорить.

Китаец саркастично усмехнулся и весь обратился в слух. Бухман устало плюхнулся в кресло, которое показалось Китайцу на удивление хрупким и миниатюрным в сравнении с внушительной комплекцией Игоря.

– Убит мой приятель, менеджер ресторана «Золотой рог». Обвиняют жену. Она наняла меня в качестве адвоката. Но ты знаешь, – удрученно вздохнул Бухман, – если даже я блесну на суде, все равно срока ей не избежать. На пистолете отпечатки ее пальчиков. Вот я и решил обратиться к тебе... – Бухман вставил сигарету в угол рта и задымил.

– А она в курсе?

– Да. Благодаря кое-каким связям мне удалось увидеться с ней и поговорить. Я, конечно, как адвокат сделаю все от меня зависящее, но если еще и ты подключишься...

– Если я тебя правильно понял, жена твоего друга не признает себя виновной, – Танин достал из пачки сигарету и закурил.

– Естественно! – воскликнул Бухман.

– И ты ей веришь, – иронично улыбнулся Китаец.

– Разумеется. – Бухман выпятил губы от досады. – Я Елену знаю два года. Не могу о ней сказать ничего дурного. Да и вообще, зачем ей это понадобилось? – Он приподнял свои густые черные брови. – Олега она любила...

– Я, конечно, не могу судить о личных качествах твоей подзащитной, – Китаец выпустил дым через тонкие ноздри, – но вспомни, сколько было случаев, когда вроде бы совершенно незаинтересованное лицо совершало убийство. Стоило немного покопаться, и мотив находился...

– Нет, мамуся, – пылко возразил Бухман, – это не тот случай. Повторяю, я верю в невиновность Лены, и ничто не заставит меня изменить мое мнение. – Он наморщил лоб, досадуя на недоверие своего слишком дотошного, на его взгляд, друга.

– Никогда не видел тебя таким эмоциональным, – слабо улыбнулся Китаец. – Разумеется, я тоже хочу видеть в каждом человеке такого ангела, – он выразительно вздохнул, – но практика детектива учит меня обратному. Да и вся китайская философия...

– Э-э, – разочарованно протянул Бухман и махнул рукой, – знаю я, мамуся, ваши восточные премудрости, психологию смирения и созерцания.

– Ну, – не теряя спокойствия, возразил Китаец, – я наполовину западный человек, не забывай. И поэтому порой не понимаю, а то и открыто критикую Конфуция.

– А ведь неглупый был мужик! – воскликнул Бухман.

– Тебе налить? – Танин показал глазами на коньяк.

Минуту Бухман сомневался, размышлял, потом кивнул.

– И потом, Игорь, ты ведь тоже имеешь кое-какое отношение к Востоку. – Танин наклонился, приоткрыл створку тумбы и достал еще одну рюмку, которую вскоре наполнил на одну треть. – Хотя, знаешь ли, в том, как ваш бог поступал, например, с египтянами, я, воспитанный на идеалах равенства и братства, не могу не обнаружить массу эгоизма и просто наплевательства по отношению к укоренившимся моральным нормам.

– Что ты имеешь в виду? – вспыхнул Игорь.

– Исход из Египта. Рекомендация вашего бога была проста и аморальна до нелепости: наберите у египтян добра и денег взаймы – отдавать-то все равно не придется. – Танин сощурил глаза.

– Не знал, что ты читаешь Ветхий Завет, – усмехнулся Бухман. – Ладно, твой скепсис имеет право на существование, но повторяю: Елена не может быть виновна!

– Как же она объясняет тот факт, что на орудии убийства, ведь, как я понимаю, твой приятель был застрелен именно из этого пистолета, нашли отпечатки ее пальцев?

Бухман сделал неторопливый глоток коньяка и, проведя языком по своим пухлым губам, ответил:

– Она не отрицает, что стреляла в мужа...

– Но виновной себя не признает, – усмехнулся Китаец.

– Нет. Мамуся, она в состоянии прострации, – Бухман вздохнул, – после пережитого. Ничего толком не говорит, замкнулась и повторяет только: «Я невиновна, видит бог!» И я ей, представь себе, верю! – решительно заявил он.

– Она явно не в себе, потому что утверждает противоречащие друг другу вещи, – ты, как здравомыслящий человек, не можешь этого отрицать. Если даже допустить, что убит ее муж был не выстрелом из пистолета, из которого она стреляла...

– А, – перебил Китайца Бухман, – знаешь, какое впечатление у меня сложилось? Что ее заколдовали!

– И это говоришь ты, трезвомыслящий человек! – Китаец не сумел скрыть насмешки.

– Я хочу, чтобы ты сам с ней поговорил, мамуся, – снова воспрял духом Бухман, – может, тебе удастся прояснить ситуацию?

– Если уж тебе, неплохо знавшему ее мужа и находящемуся с ней в доверительных отношениях, она ничего толком не рассказала, то мне, незнакомому человеку... – Китаец одарил приятеля скептическим взглядом.

– Но она же просила меня, чтобы я обратился к какому-нибудь детективу! О чем это говорит?

– О том, что мы имеем дело с не совсем здоровым человеком, – усмехнулся Китаец.

– Да, допускаю, стресс и все такое, – не сдавался Бухман, – но просьбу ее, с учетом того, что она считает себя невинной, не назовешь абсурдной. Мне кажется, что она чего-то боится... В чем-то признаться...

– И ты полагаешь, что я смогу заставить ее признаться? – с сомнением в голосе спросил Танин. – Мне кажется это безнадежным делом.

– Я вот думаю: а что, если ее загипнотизировали или еще что-то в этом роде, – Бухман тревожно взглянул на Китайца. – Думаешь, я сам в восторге от такой нелогичности?

– Как же ты собираешься ее защищать?

– В том-то и дело, мамуся, – неожиданно возликовал Бухман, – по моим расчетам, увидев тебя, то есть серьезного детектива, который согласен заняться расследованием смерти ее мужа, она поймет, что не все так плохо, что надежда есть, и, возможно, скажет тебе что-то такое, что и мне поможет отстаивать ее невинность с большей убедительностью и эффективностью. Я ведь не Перри Мейсон, мамуся, и не умею сам собирать улики.

– Значит, убедительности тебе все же недостает? – подковырнул Бухмана Танин.

– Извини, мамуся, но не могу же я строить защиту на пустом месте!

– В случае, если мне удастся разговорить твою подзащитную, могу я претендовать на процент от твоего гонорара? – шутливо полюбопытствовал Китаец.

– О чем речь! – расплылся в улыбке Бухман. – Только думаю, что ежели ты за это дело возьмешься, то от моего гонорара останется пшик – все достанется тебе.

– При условии, что твоя подзащитная действительно невиновна и что будет пойман настоящий убийца твоего друга, – улыбнулся Танин. – Но, Игорь, берусь я за это дело только из уважения к тебе.

– Лена не пожалеет денег... – торопливо сказал Бухман.

– Я говорю о моем посещении ее, – уточнил Танин. – Ладно, когда произошло убийство?

– В половине первого. Соседи с третьего и четвертого этажей подтвердили, что выстрел прозвучал примерно в это время. Олег умер мгновенно. Соседи вызвали милицию и «Скорую».

– И Елену тут же заключили под стражу?

Бухман удрученно кивнул.

– Как она себя вела?

– Рыдала, кричала, билась в истерике – это мне лейтенант Горелов рассказал, – Бухман горестно покачал головой из стороны в сторону, – сидела посреди комнаты на полу, пистолет валялся рядом... Вся сжалась в комок. Пыталась оказать сопротивление милиции... – Он невольно усмехнулся.

– Елена с самого начала отрицала свою вину? – Танин затушил сигарету в пепельнице и тут же взялся за другую.

– Да. Попросила лейтенанта связаться со мной. Я нашел ее в ужасном состоянии: она дрожала так, что зуб на зуб не попадал, и плакала. Ничего путного от нее так и не услышал, – Бухман с сожалением вздохнул, – только начинала говорить – и молчок, смотрит, как затравленный зверь. Глаза, как у безумной, руки и губы трясутся, язык еле ворочается.

– Ты ознакомился с протоколом задержания? – Танин нетерпеливо взглянул на дверь, потом крикнул: – Лиза!

В приемной было на удивление тихо. Эта тишина ясно свидетельствовала о Лизинем отсутствии. Обычно она либо шелестела бумагой, либо стучала по клавиатуре, либо звякала посудой. Тишина в таком случае была живой, она как бы не прерывалась этими знакомыми звуками, а плавно перетекала в них. Они, эти звуки, составляли с Лизой некое единство, являясь привычным атрибутом рабочей обстановки.

– Черт, куда она подевалась? – Китаец перевел недоуменный взгляд на Бухмана.

– С отчетом я знаком, – по поводу отсутствия Лизы Бухман не проявил ни удивления, ни досады, – про отпечатки я тебе уже говорил. Но вот что интересно, – Бухман облизнул свои сочные губы, – в кармане халата у Олега был обнаружен нож. Зачем человек, по-твоему, в домашнем халате прячет нож? Это что, привычка?

– Что за нож? – заинтересовался Китаец.

– С выкидным лезвием. Я его узнал: Олег мне его как-то показывал, говорил, что это подарок приятеля. Тот отсидел срок...

– Это важная деталь, – глаза Китайца заблестели, – не думаю, что карман домашнего халата – привычное место для хранения холодного оружия. Хотя не исключено, что твой друг кому-нибудь его недавно демонстрировал и забыл переложить из кармана в более подходящее место. – Китаец выпустил дым к потолку и снова посмотрел на дверь.

На этот раз в его взгляде мелькнула тень раздражения.

– Да куда подевалась эта чертовка? Я же ее просил кофе!

– Не волнуйся, плесни-ка мне лучше коньяка. – Бухман благодушно улыбнулся.

Танин наполнил опустевшую рюмку Бухмана на треть. Тот взял ее обеими руками и принялся греть.

– Полагаешь, – снова оживился он, – что Олег почувствовал опасность и приготовил нож?

– Скорее всего. Но это пока ничего не меняет, – невозмутимо констатировал Танин.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурился Бухман.

– Что он мог, например, не доверять жене и принять меры предосторожности.

– Бред какой-то! – вознегодовал Бухман.

– Я стараюсь не обольщаться, только и всего, – хмыкнул Танин.
– Зачем ей его убивать? – Широкие густые брови Бухмана полезли к корням волос.
– Месть за измену, может быть. – Китаец скептически улыбнулся. – Или меркантильный интерес...

– Насчет второго... Елена могла ведь развестись с Олегом. – Бухман пожал плечами.
– А насчет первого?
– Мы не в театре, мамуся. Это там бушуют сильные страсти, со сцены произносятся эффектные монологи и так далее.

– Хорошо, – пошел на уступки Танин, – у Олега и Лены был брачный контракт? Прости, что интересуюсь такой прозой.

– Думаю, что был. Я просто дружил с ними. Я оказывал Олегу консультативные услуги – он судился с одним хамом, задумавшим лишить его одного помещения. А вот насчет брачного контракта, прости, не могу сказать тебе ничего определенного.

– Ладно, я выясню у нее самой, – Китаец сломал в пепельнице недокуренную сигарету. – Лиза! – снова крикнул он.

Точно ответ на этот настоятельный призыв приемная наполнилась веселым цоканьем торопливых Лизиних каблучков. Дверь открылась, и Лиза, часто дыша и распространяя вокруг себя сиянье жаркого полдня, затараторила:

– Кофе кончился. Я еще утром хотела сходить, да забыла. Пришлось обегать полквартала. Я купила «арабику» и двести граммов «робусты»...

– Лиза, – с недовольной усмешкой остановил это словоизвержение Китаец, – мы тут, между прочим, разговариваем.

Лиза сразу сникла. В ее синих глазах затаилась обида.

– Да я просто так...

– Предупреждай, пожалуйста, когда уходишь. А пока приготовь Мамусе «робусты». Крепкие люди должны пить крепкий кофе. – Он обнажил в улыбке зубы.

– Слушаюсь и повинуюсь, шеф, – с фамильярной интонацией ответила Лиза, берясь за ручку двери.

– Больше никаких интересных деталей в протоколе задержания не значится? – вернулся он к прерванному разговору, когда Лиза исчезла.

– Опрос соседей ничего существенного не дал. Многие спали мирным сном, когда раздался выстрел. Да там всего-то восемь квартир, считая квартиру Монаховых.

– Элитный дом?

– Ага. – Бухман осушил рюмку.

– Домофон, кодовый замок, консьерж, охранник? – осведомился Танин.

– Последнее, – нехотя пробурчал Бухман, ласково глядя на бутылку «Дагестанского».

– Что он говорит?

– Никого не видел. Никто не входил и не выходил.

– С ним я тоже побеседую. – Китаец закурил новую сигарету. – Наливай себе еще.

Бухман налил полрюмки и безо всякой снобистско-виртуозной медлительности выпил.

– Если б не это, – кивнул он на бутылку, – мы бы давно с тобой в сумасшедшем доме отдыхали, – пошутил он.

– Я так не думаю, – улыбнулся Танин. – Что еще?

– У Лены есть сестра. Если что, ты можешь к ней обратиться. – Бухман закурил. – Живет на Вольской. Я дам адресок.

– Хорошо.

Наконец Лиза принесла обещанный кофе. Выпив по чашке, друзья отправились в сизо. Бухман не рискнул сесть за руль, поэтому оставил свой «Опель» у Танина во дворе. Находясь

«под градусом», Китаец водил машину осторожнее, чем в трезвом виде, поэтому Игорь мог на него вполне положиться.

Глава 2

Ветер без устали гнал эскадры облаков. Солнце барахталось в их синевато-серой вате подобно запутавшейся в сетях рыбе. Когда на короткий миг оно выскакивало, заливая блеском своей золотой чешуи тротуары, город сразу преображался, одним рывком переходя от осеннего уныния к летнему буйству. Эти благословенные промежутки были до безобразия коротки и редки, что вызвало у Бухмана несколько недовольных замечаний. Китаец, наоборот, любил тень. Яркий солнечный свет ассоциировался у него со снежным сиянием, а это, в свою очередь, влекло за собой мучительное чувство чего-то недорешенного и навсегда упущенного. Снег и хвоя будили в Китайце какую-то особую ностальгию, каждый раз воскрешая в его воображении миг отъезда Цюй Юаня в изгнание.

«О, деревья отчизны.

Долгим вздохом прощаюсь...»

Китаец представлял себе поэта сидящим на коне в окружении немногочисленных соратников. С холма открывалась окруженная кромкой гор равнина. Цюй Юань всегда был для Китайца примером обманутого доверия и одиночества, горького жребия изгнанника. Сановник царства Чу, он доверился правителям государства Ци и, вероломно ими преданный, был изгнан из своей страны.

Китаец с детства ощущал себя изгнанником. Это сокровенное чувство свило в его душе гнездо, в котором на свет появлялись птенцы тоски и печали. Самая пронзительная радость, самая ослепительная удача, самая сильная привязанность несли на себе отпечаток этого чувства. И, может быть, именно потому, что отец увез его из Китая в пятилетнем возрасте и он был вынужден довольствоваться крупицами воспоминаний и игрой воображения, пейзажи Юго-Запада, наслаиваясь один на другой и слипаясь в единые комья с прочитанными строчками китайских поэтов, получили в его сердце статус иного измерения, вечного, не дающего отдохновения настоящего, где время и пространство слиты в сиянии снега и очертаниях гор.

Китаец поправил на носу солнцезащитные очки и остановил «Массо» у светофора. Развернувшись на перекрестке, он припарковал джип на противоположной стороне улицы рядом с шестиметровой высоты кирпичным забором, отделявшим сизо от остального мира. По иронии судьбы, следственный изолятор находился всего в двух кварталах от конторы Китайца, поэтому долго ехать не пришлось.

Уже снаружи это заведение, выкрашенное в какой-то грязно-желтый цвет, начинало производить гнетущее впечатление.

Возле входа толпились свободные до поры до времени граждане, желающие получить свидание с близкими или передать им небольшую посылку. Лица у всех были не то чтобы унылыми, но какими-то отрешенными и официальными.

Пройдя сквозь этот небольшой строй, Бухман уверенно надавил на кнопку звонка. В выкрашенной красно-коричневой краской двери открылось небольшое оконце, и народ, стоявший в ожидании, с интересом стал наблюдать за происходящим. К его большому разочарованию, действие вскоре закончилось: Бухман, часто бывавший здесь по долгу службы, быстро решил вопрос с сержантом, стоявшим на посту. Сержант закрыл окошечко, и через несколько минут Бухман, а следом за ним и Китаец уже входили внутрь. Необходимые формальности: ожидание начальника смены, утрясание продолжительности визита, выписка временных пропусков и сдача «пээма» Китайца – заняли еще почти целый час.

Наконец в сопровождении охранника их повели в комнату для свиданий, представлявшую собой помещение размером пять на шесть метров, перегороженное на две части металлической решеткой, сваренной из толстых арматурных стержней. По обеим сторонам решетки стояли облезлые столы и табуреты, прикрученные со стороны, куда выводили подследствен-

ных, к полу здоровенными шурупами. Посетителям, как гражданам, временно находящимся на свободе, были предоставлены стулья на тонких металлических ножках.

– Ждите. – Сопровождавший Бухмана и Танина охранник с пышными усами и маленькими серыми глазками заложил руки за спину и замер с широко расставленными ногами.

– Ну что, мамуся, – Бухман хитро посмотрел на Китайца, – ни разу не был в таких заведениях?

– Думаешь, я ожидал чего-то другого? – пожал плечами Китаец. – Несколько раз мне приходилось ночевать в «обезьянниках», так что я немного представляю себе, что это такое. Достаточно познакомиться с нашей государственной машиной однажды, и этого уже никогда не забудешь.

– «Капэзэ», мамуся, – наставительно произнес Бухман, – по сравнению с тюрьмой, а сизо не что иное, как тюрьма, это цветочки. Ведь так, мамуся? – Бухман посмотрел на охранника, а потом снова на Китайца. – Петя у нас уже почти двадцать лет в этой системе служит. Скоро на пенсию отправится.

– Да уж, – хмуро усмехнулся Петя, – скоро два десятка годков как за решеткой.

– Так уволься к чертовой матери, – зацепил его Бухман, – ты же вольнонаемный.

– Куда, Игорь Юрьевич? – поморщился Петя. – У меня вон брат на гражданке на полторы тысячи семью содержит, так они мясо только по праздникам видят. А детей-то двое, четырнадцать и пятнадцать годков, им ведь и одеться еще нужно, и развлечься...

Петина жалоба повисла на полуслове. С противоположной стороны в комнату ввели молодую русоволосую женщину с аккуратной короткой стрижкой. На ней были голубые джинсы в обтяжку и тонкий трикотажный джемпер кирпично-розового цвета. Неполных двое суток, проведенных в следственном изоляторе, не прибавили ей красоты и здоровья. Но, по мнению Китайца, держалась она неплохо, хотя в ее тусклых глазах застыло испуганно-тоскливое выражение. Узнав Бухмана, она с надеждой посмотрела на него, а потом перевела взгляд на Танина и несколько секунд не отводила от него больших темных глаз.

Сопровождавший охранник беззлобно потрогал ее за локоть и показал на табурет. Она как бы выплыла из прострации и сделала несколько шагов по направлению к столу.

– Пошли. – Бухман кивнул Китайцу и первым устроился на стуле, положив свой чемоданчик с документами на стол.

Танин пододвинул себе другой стул и пристроился рядом.

– Ну как ты, мамуся, – Бухман сразу же приступил к делу, – держишься?

Положив руки на стол, Монахова неопределенно пожала плечами.

– Не знаю, – тихо произнесла она.

– Значит, так, мамуся, – продолжил Бухман, – ты должна понять: мне, как твоему адвокату, ты можешь доверять и даже должна доверять, тем более что ты меня знаешь. Защищать я тебя буду в любом случае, но если ты будешь просто говорить «я невиновна», то шансов у нас не так много. Познакомься с моим другом. – Бухман представил Китайца и Лену друг другу. – Он сыщик и согласился мне помогать, но и ты не должна молчать. Расскажи, как все произошло?

– погоди, Игорь. – Китаец остановил словоохотливого друга, напиравшего на свою подзащитную. – По-моему, Лена не вполне здорова, ведь так?

Монахова молча кивнула, но в ее взгляде затеплилось что-то живое, человеческое, и Китаец понял, что дело наконец сдвинется с мертвой точки.

– Вы хотите нам что-нибудь рассказать? – как можно мягче спросил Китаец после минутного молчания.

– Я ничего не знаю, – Лена отрицательно покачала головой, блуждая равнодушным взглядом по поверхности стола.

– Ну, Лена-Лена, – встрял Бухман, – ты же говоришь, что невиновна, и в то же время не отрицаешь, что стреляя...

Бухман не договорил, потому что лицо Лены внезапно исказилось, губы сложились в жалобную гримасу, задрожали и, протяжно всхлипнув, она зарыдала, безуспешно пытаясь закрыть лицо руками и поставив оба локтя на стол.

Китаец бросил на Бухмана предупреждающий взгляд. Бухман растерянно пожал плечами и, выпятив губы, погрузился в молчание.

– Успокойтесь, – принялся Китаец утешать вдову, – мы вам верим. Вы действительно невиновны. Но для того, чтобы заставить в это поверить других, нам нужно кое о чем спросить вас.

Лена дернулась всем телом и замерла. Ее странное оцепенение было бы полным, если бы не мелкая дрожь, пробегавшая по рукам и плечам.

– Как у вас оказался пистолет? – Китаец смотрел на Лену, как на душевнобольную.

Она вздернула плечи, точно марионетка, которую кукловод резко дернул за нити.

– Это пистолет вашего мужа? – Китаец все больше чувствовал себя сподвижником доктора Юнга.

– Да, – осторожно, словно произнесенное ею слово грозило укусить ее, сказала Лена.

– Он держал его в спальне?

Лена боязливо кивнула и опять закрыла лицо руками. Но истерики не последовало, и Китаец облегченно вздохнул.

– Куда он его обычно клал? – Китаец ловил на себе заинтересованный и одобрительный взгляд Бухмана.

– Под поду... – Лена вдруг замолчала, как будто нарушила данный кому-то обет.

– А в ту ночь... – Китаец ободряюще посмотрел на Лену, – он лежал на обычном месте?

– Наверное, – робко проговорила Лена и с опаской взглянула на Танина. – Я невиновна, – упрямо и обреченно повторила она.

– Знаю, – твердо произнес он. – И как же он оказался у вас? – обходным путем Китаец вновь подошел к интересующей его теме.

– Я... я... – Лена стала нервно заикаться, – мне ска... – Ее снова сотряс страшный всхлип, по щекам покатились слезы.

– Вы сами его взяли?

Лена молчала, опустив голову и пытаясь как можно плотнее сжать не слушавшиеся ее дрожащие губы. Она вытирала слезы указательными пальцами, как-то потерянно и неловко, скорее, просто потому, что неоднократно видела этот стыдливый жест, растиражированный в кинофильмах и неоднократно описанный в романах. Ей, чувствовал Китаец, по сути, наплевать, какое она производит впечатление: сломленного или мужественного человека.

– Так вы его взяли? – с жалостью посмотрел на нее Китаец.

Лена лихорадочно закивала и закрыла глаза.

– Сами? – не унимался Китаец.

– Мне... мне... – Лена открывала рот, как выброшенная на песок рыба.

– Или, может быть, вам кто-то посоветовал так поступить?

Лена замотала головой из стороны в сторону.

– Нет, – выдавила она из себя, – нет. Мне... – Лена снова не закончила фразы.

– Вы ведь не хотели стрелять? – решил Китаец зайти с другой стороны. – Не правда ли? Вы стреляли против своей воли?

– Против, – сказала Лена и прикусила губу.

– В состоянии аффекта?

– Не знаю, – глухо проговорила она.

– В тот момент вы ненавидели вашего мужа? – Китаец почувствовал бешеное желание закурить или просто выйти на воздух.

– Нет, нет, – торопливо повторила Лена, качая головой и ошарашенно тараща глаза, – нет, нет, я невиновна!

«Невиновна», – звучало в голове у Китайца рефреном. Он невольно остановил взгляд на мрачном лице Бухмана. Игорь многозначительно вздыхал и слегка морщился.

– В тот момент вы любили вашего супруга?

– Не знаю, – растерянно произнесла Лена.

Было такое ощущение, что смысл слов не доходит до нее, а если и доходит, то на такой короткий миг, что она не успевает свыкнуться с ним.

– Вы хотели нанять детектива, чтобы он помог вам? Но что он, по-вашему, должен делать? Искать настоящего убийцу?

Лена кивнула, быстро, почти незаметно, и снова опустила голову.

– Значит, вы считаете, что настоящий убийца на свободе? – продолжал Танин.

– Не знаю, – повисло глухой стеной.

Танин поймал себя на том, что его терпение по капле, медленно, но верно иссякает. Он снова посмотрел на Бухмана, который мерно раскачивался из стороны в сторону, напоминая не то растолстевшую кобру, не то муэдзина. Игорь избегал смотреть на Китайца, и Китаец знал, почему: рушился его план мягкого, но продуктивного дознания. В этой меланхоличной раскачке сквозило что-то допотопное, чувство вины человека, который только вчера научился стыдиться.

«Не то ли самое испытывал Моисей, водивший бедный свой народ по пустыне?» – пронеслось у Танина в голове. Минутная пауза не прибавила определенности ни разговору, ни монотонным движениям Бухмана. На миг Китайцу даже показалось, что этот гигантский маятник вступил в сговор с качающейся из стороны в сторону головой женщиной. Его заворожила неожиданно открывшаяся ему чудовищная гармония качающейся плоти, движения которой съедали слова с какой-то шизофренической настырностью и беззаботностью.

«Встать и уйти!» – стрелой вонзилось в мозг.

Он сделал глубокий вдох, справляясь с неизвестно откуда накатившей тошнотой.

– Я слышал, вы были хорошей парой... – Китаец старался не глядеть на Лену.

Но услышать очередной ее всхлип висевшая между ними стеклянная стена не помешала. Эта стена не давала доступа к правде, к признанию или покаянию, а вот всхлипы и всякие нелепые слова она охотно пропускала. «Не позавидуешь психотерапевтам. Правильно, что за границей их сеансы так дорого стоят».

Тихие, протяжные подвывания свободно достигали ушей Танина. Он был подавлен и смущен. «Может, у нее расстройство психики? Неудивительно».

– Каким образом пистолет попал вам в руки? Вы хотели убить вашего мужа? – громко спросил он.

– Нет! – выкрикнула Лена и снова затряслась в плаче, который набирал обороты с каждой секундой.

– Вы дружно жили?

– Да.

– Хорошо. – Танин перевел дыхание и, повернув голову, встретился глазами с Бухманом. – Он не изменял вам?

– Нет! – так же ожесточенно крикнула Лена.

– А вы ему?

Лена резко покачала головой из стороны в сторону.

– У вас был брачный контракт? – неумолимо наседал Танин.

– Да, да, да. – Лена тряслась, как в лихорадке.

Было не понять, плачет она или смеется. Лицо ее разрывалось от судорог и кривых усмешек.

– Что вы получите согласно ему? – Танин старался говорить холодно и спокойно – он ничего не мог противопоставить истерическим конвульсиям этой полубезумной женщины кроме отстраненной деловитости и ледяного интереса.

Подобное «хирургическое вмешательство» дало кое-какие плоды.

– Все.

– Если мы не докажем ее невиновность, – шепнул Китайцу Бухман, – она ничего не получит.

– То есть вы становитесь абсолютной наследницей? – Китаец толкнул под столом ногу Бухмана.

– Да, – внезапно одеревеневшими губами проговорила она с таким трудом и усилием, точно вытолкнула это недозрелое слово-плод из самой утробы.

– А в случае развода?

– Я невиновна! – с надломом воскликнула она.

– Я вам верю, – Танин призвал все свое самообладание, – но мне необходимо знать – знать, чтобы помочь вам, – что вы получили бы в случае развода.

Лена прекратила плакать и настороженно, если не враждебно посмотрела на Танина, словно он принуждал ее сознаться в каком-то постыдном поступке. Выражение ее бледного, осунувшегося лица стало еще более тоскливым и напряженным. «Если эта заезженная пластинка и дальше будет крутиться, я буду бессилен что-либо сделать», – грустно заключил он.

– Свидание закончено, – монотонно произнес охранник и направился к Лене, чтобы увести ее.

– Послушай, друг, – Китаец привстал, обращаясь к охраннику, – дай еще одну минуту, я тебя прошу.

– Видали мы таких друзей, – пробурчал охранник, но отошел в сторону.

– Ручку и бумагу, быстро, – негромко, чтобы не слышал охранник, скомандовал Танин, наклоняясь к уху Бухмана.

Тот не стал интересоваться зачем, просто открыл «дипломат» и положил перед Китайцем блокнот и «Паркер» с золотым пером.

Танин быстро написал на чистом листе несколько слов и повернул блокнот так, чтобы Монахова могла прочесть написанное. Он напряженно вглядывался в ее глаза, которые скользили по бумаге, и ждал ее реакции. Лена подняла голову, но дальше не последовало никакой реакции.

«Если она не ответит, – решил Китаец, – я брошу этодохлое дело, и пусть Игорь распутывается сам как хочет». Монахова продолжала молча глядеть на Танина, но в глазах ее была какая-то беззвучная просьба. Тут он понял, в чем дело, вырвал из блокнота лист, на котором писал, и разорвал его пополам, потом сложил разорванные половинки вместе и снова разорвал, и так до тех пор, пока от листка не остались клочки размером не больше десятикопеечной монеты. Он скомкал их в кулаке и сунул в карман пиджака.

– Ну, – одними губами произнес Китаец, глядя Лене в глаза.

Немного помедлив, она утвердительно склонила голову.

– Пошли. – Китаец облегченно вздохнул, словно закончил тяжелую работу, взглянул на Бухмана и направился к выходу.

Бухман торопливо убрал в «дипломат» ручку и блокнот и, щелкнув замками чемоданчика, двинулся следом. Ни слова не говоря, охранник сопровождал их длинными гулкими коридорами к выходу, где они сдали пропуска. Китаец получил назад свое оружие.

– До свидания, Игорь Юрьевич, – уважительно произнес Петя, передавая их сержанту, который распахнул перед ними двери на волю.

– Прощай, – не оборачиваясь, буркнул Бухман и вслед за Китайцем вышел на улицу. Они снова прошли сквозь строй граждан, ожидающих свидания, и уселись в «Массо».

– Сколько уж раз приходил сюда, – Бухман достал пачку сигарет и торопливо прикурил, – а все никак не могу привыкнуть. Каждый раз мне кажется, что я так и не выйду оттуда.

– Да, – сочувственно, хоть это было ему и не свойственно, протянул Танин, – если у тебя все клиенты такие, то я тебе не завидую.

– Не все, – вздохнул Бухман, опуская стекло со своей стороны, – бывают еще хуже.

– Что ж, – Танин запустил двигатель и плавно тронул джип с места, – нужно относиться к этому философски. Даже Петя понимает, что почти двадцать лет провел за решеткой. Но если ты хочешь знать мое мнение – каждый сам выбирает себе место.

– Место работы?

– В жизни. – Китаец, ловко управляя машиной одной рукой, достал из кармана пачку «Винстона», открыл ее и, вынув сигарету, бросил пачку между сиденьями.

Он зажег сигарету от автомобильного прикуривателя и, сделав несколько затяжек, развернул машину и остановил ее у конторы рядом с «Опелем» Бухмана.

– Что ты ей написал? – спросил тот, когда Китаец заглушил двигатель «Массо».

– Хочешь знать дословно? – повернулся к нему Танин.

– Конечно, – буркнул Бухман.

– Я написал: «Тебя заставили стрелять?»

Глава 3

– Я же тебе говорил! – возликовал Бухман.

– Да, интуиция тебя не подвела, – с довольным видом сказал Танин.

Бухман неловко спрыгнул с подножки джипа.

– Что ты собираешься делать? – спросил он.

– Лишить тебя гонорара, как мы и договорились, – шутливо ответил Танин. – А если серьезно, навестить того самого охранника... Похоже, он соврал следственной бригаде.

– Думаешь, он что-то знает?

– Думаю, он замешан. Ладно, не будем терять времени. Заползай в свой «Опель», а я прямо сейчас еду на место.

– Если что, звони. – Бухман шутливо салютовал.

– Непременно.

Танин заметил в окне Лизу, махнул ей рукой и резко стартанул. До элитной четырехэтажки, где произошла трагедия, было не больше пяти минут езды, и вскоре Китаец был на месте. Он нажал на красную кнопку на висевшем у подъезда щитке. Через секунду сквозь стекло двери он увидел спешащего на вызов парня в темно-синих брюках и голубой форменной рубашке с золотистым гербом на рукаве.

– Добрый день, – сдержанно улыбнулся Танин, – мне нужно задать вам несколько вопросов. – Он сунул тому под нос свою лицензию.

Охранник с некоторым удивлением посмотрел на него, немного отступил в сторону, пропуская внутрь. В отделанном кофейным в темных прожилках мрамором холле царила приятная прохлада. По обеим сторонам невысокой лестницы, ведущей к двум лифтам, помещались пальмы в больших керамических горшках. На ступени была брошена ковровая дорожка, пол перед лифтами был застелен коричневым ковром в бежевых и черных ромбах. Слева от входа находились стол дежурного и пульт.

– Уютно, – снова улыбнулся Танин.

Окинув холл удовлетворенным взглядом, он перевел его на охранника. Долговязый туповато уставился на него своими по-детски распахнутыми голубыми глазами. Его исполинские уши-локаторы нелепо торчали. Голова была почти обрита. «Веселенький вид», – прокомментировал про себя Китаец.

– Позавчера у себя в квартире был убит Монахов Олег Борисович. – Танин пристально посмотрел на парня, который вдруг часто заморгал. – Я расследую это убийство. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Так оно всем известно, – хмыкнул длинный, – это жена его застрелила. Милиция так и говорит.

– Вы дежурили в ту злополучную ночь?

– Не-ет, – с облегчением протянул охранник, – тогда Сашка дежурил, мой напарник. Мы меняемся каждые сутки.

– А как мне его найти?

– Не, – парень недоверчиво и снисходительно посмотрел на Танина, – таких справок я не даю, да и не знаю, честно говоря.

– Но как хоть его фамилия?

– Я не обязан давать такую информацию, – бросил парень через губу.

– Позвонить от вас можно? – спросил Китаец.

Охранник без энтузиазма кивнул на стоявший на столе телефон. Танин снял трубку и набрал номер мобильного Бухмана.

– А, это ты. – Игорь немедленно узнал голос друга. – Что-нибудь выяснил?

– Я не волшебник, – шутливо огрызнулся Танин.

– Ну, о твоих талантах я знаю не понаслышке, – весело возразил Бухман.

– Помнишь, что ответил Конфуций на похвалу Чан Хунга?

– Господи, мамуся, – с наигранной досадой воскликнул Игорь, – для меня вся эта ваша политграмота длиной в тысячелетия...

– Конфуций ответил, что эта похвала преувеличена, что про него достаточно было бы сказать, что он кое-что смыслит в музыке и соблюдает обряды. Вот и я немного смыслю в людях и соблюдаю рекомендации моего учителя по боевым искусствам, небезызвестного в Китае Лу Чжена. А если серьезно, мне нужны координаты охранника, который дежурил в ночь убийства.

– А-а, – Бухман на секунду замолчал, – минутку... Зовут его Заречный Александр Семенович, семьдесят третьего года рождения... А вот адрес...

– Спасибо, я сам узнаю. – Китаец повесил трубку и направился к выходу.

Он не стал садиться в джип, а дошел до справочного бюро, где, заплатив восемь рублей, узнал адрес Заречного. Положив выписанную ему бумажку в карман, он вернулся к джипу и отправился по указанному адресу.

Заречный жил в девятиэтажном доме-новостройке по улице Посадского. Китаец въехал в не обжитой толком двор с лишенной малейшей растительностью детской площадкой с парой песочниц и примитивными качелями. Двор был пуст, если не считать трех машин на небольшой стоянке.

Заблокировав дверцы машины, Китаец вошел в пахнущий краской и побелкой подъезд и, вызвав лифт, поднялся на седьмой этаж. Остановившись перед дверью фирмы «Лазер», позвонил. Звонок пронзительной нотой ворвался в послеполуденный сон большого дома.

– Кто? – услышал Китаец настороженный мужской голос, раздавшийся вслед за металлическим грохотом отпираемого замка на внутренней двери.

– Нужно поговорить, – стоя перед потемневшим глазком, сказал Танин. – Я частный детектив, веду расследование убийства Монахова Олега Борисовича.

– Я уже все рассказал милиции, – упрямо возразил Заречный из-за двери.

– Боюсь, что ваши показания не совсем адекватны... – усмехнулся Танин.

– Что вы хотите этим сказать? – недовольно спросил охранник.

– Откройте, побеседуем, – мягко проговорил Танин, – я не отниму у вас много времени.

– Мне не о чем с вами разговаривать, – не сдавался парень, – я и так полночи давал показания.

– У меня есть деньги, – не отступал Танин, – сколько вы хотите?

– Мне ничего не надо, – буркнул Заречный, – уходите.

«Ладно, но, клянусь небом, я тебя из-под земли достану!» Китаец не стал вызывать лифт – тот был занят – и начал спускаться по лестнице. Дойдя до следующего этажа, услышал, что этажом выше открылись двери кабины лифта. Раздались тяжелые шаги. Вслед за этим до него донеслись приглушенные мужские голоса. Он не разобрал, о чем говорят прибывшие, но уловил в их тоне какое-то скрытое напряжение. Китаец остановился и отчетливо расслышал пронзительную трель знакомого звонка: гости явились к Заречному. «Парень явно кого-то боится, – решил Китаец. – Интересно, он никому не открывает?»

Танин бесшумно поднялся на один пролет и замер в ожидании. Снова лязгнули замки внутренней двери, и тонкий слух Китаец уловил голос Заречного:

– Я же сказал, мне ничего не нужно.

– Как это не нужно, братан? – Этот грубый голос звучал гораздо отчетливей, потому что говоривший находился с внешней стороны двери. – Хотя, если не хочешь, я твои лавашки могу себе оставить...

Видимо, Заречный узнал говорившего – Китаец услышал, как отодвигается задвижка на двери.

– Я думал, снова этот урод вернулся. – Теперь голос Заречного был слышен очень хорошо, хотя он говорил негромко. – Давай.

– погоди, братан, – пришедший был явно встревожен, – кто-то к тебе приходил?

– Да, – ответил Заречный, – он сказал, что частный детектив. Я не открыл ему.

– Вот это ты сделал напрасно, – укоризненно произнес тот же голос, – нужно было хотя бы посмотреть на него. Потом обрисовал бы его нам.

– Я больше не собираюсь на вас работать, – заявил Заречный, – давай бабки и до свидания.

– Че ты такой дерганый, братан? – Пришедший был недоволен. – Может, ты кому настучал на нас, а?

– Да что я, враг себе, что ли? – запротестовал Заречный, понизив голос до шепота. – Кому я мог настучать?

– Тебе лучше знать... – В голосе гостя появились угрожающие нотки.

– Ты нам лапшу на уши не вешай, Шурик, – услышал Китаец третий голос, высокий и нервный. – Если лажанулся, так и скажи. Может, ты и мусорам все выложил, а с нас хочешь бабки слупить? Ты ведь штуку уже получил...

– Да вы что, ребята?! – испуганно воскликнул Заречный. – Вы же знаете, что бабу повязали... Получается, что я здесь ни при чем. А вдруг это она раскололась?

Китаец осторожно посмотрел вверх и увидел два бритых затылка, принадлежавших посетителям Заречного, и самого Александра, который стоял в профиль к нему. Он был высок и широкоплеч: синяя спортивная майка без рукавов плотно обтягивала его мускулистый торс. Братки – а в том, что это бандиты, Китаец не сомневался после первой же фразы грубого голоса – были ростом пониже и более субтильные.

– Она знает, что после этого не проживет и двух дней, – усмехнулся обладатель душераздирающего фальцета, стоявший за своим приятелем.

Его напарник был пониже его, но шире в плечах.

– Ладно, Шурик, – пренебрежительно сказал широкоплечий, – мы пошли. Погнали, Гриша.

Он развернулся и направился к лифту. Китаец быстро спрятал голову, но успел заметить в руках у того небольшую спортивную сумку. Гриша затопал следом. Заработала лебедка, поднимающая кабину лифта.

– погоди-ка, – растеряннo окликнул парня Заречный, – а деньги?

– А-а, деньги, – как бы вспомнил низкоголосый и пошел обратно. – Получи.

Китаец услышал сухой щелчок, сдавленный полувскрик-полустон и шум падающего тела, затем через секунду еще один щелчок. Рискую быть замеченным, он снова посмотрел наверх и увидел, как широкоплечий быстро прошел к лифту, пряча в сумку пистолет с навинченным на него глушителем.

Перескакивая через две ступеньки, Китаец кинулся на площадку седьмого этажа. Когда он с «пээмом» в руке очутился там, двери лифта уже закрылись, и он двинулся вниз. Заречный лежал, скрючившись в проеме распахнутой двери: верхняя часть тела слегка повернута на правый бок, в голове, в районе виска – ровное входное отверстие от пули калибра 7,62 миллиметра. Контрольный выстрел. Первая пуля попала в живот. Майка и рука, которой Заречный пытался зажать рану в животе, были мокрыми от крови. Помощь ему уже явно не требовалась.

«Доигрался парень», – промелькнуло в мозгу у Китайца. Не теряя больше времени, он бросился вниз. Так быстро он давно уже не бегал. Меньше чем за полминуты преодолев все семь этажей, Китаец вылетел из подъезда, едва не сбив с ног дородную тетку в цветастом платье и трикотажной кофточке. «Извините», – машинально пробормотал Китаец, оглядывая двор. Он заметил, что за угол дома неспешно поворачивает небольшая ярко-красная «БМВ» с тони-

рованными стеклами. Танин в несколько прыжков добрался до «Массо», вскочил за руль и двинулся следом.

Пока «БМВ» ехала по узким улочкам «тихого» центра, Китаец спокойно мог держать его на приличном расстоянии, не привлекая к себе внимания. Попетляв немного по району, где частные одноэтажные дома чередовались с новенькими кирпичными девятиэтажками, красная «БМВ» направилась в сторону центра. Движение становилось более интенсивным, и, чтобы не потерять «объект» где-нибудь на светофоре, пришлось сократить дистанцию до минимума. «БМВ» поехала быстрее, но двигалась с максимально разрешенной в городе скоростью, соблюдая все правила.

Центр проехали, в принципе, спокойно: казалось, ни водитель, ни пассажир «бээмвухи» не подозревали о том, что кто-то висит у них на хвосте. Только после того, как «БМВ» несколько раз свернула направо, сделав круг и снова выехав на центральную улицу, Китаец понял, что его засекли. В этот момент он чуть не пожалел, что не пользуется мобильным телефоном: можно было сообщить в милицию, что в красной «бээмвэ», такой-то государственной номерной знак, движущейся по направлению к Заводскому району, находится убийца. Но что толку жалеть о том, чего нет. Мобильник Китаец не приобретал сознательно, несмотря на частые упреки Лизы. Хотя это современное и удобное средство связи, но с трубкой в кармане, считал Танин, он потеряет частичку своей свободы, которой он так дорожил. Все Лизины доводы, что трубку можно отключать и вообще иногда оставлять дома, он пропускал мимо ушей, предпочитая пользоваться телефоном дома, в конторе или обычным таксофоном. Наверное, в этом было что-то консервативное, а скорее, восточно-ретроградное, но ведь в жилах Танина действительно текла наполовину восточная кровь.

Тем временем «БМВ», миновав центр, резко прибавила скорость. Она лавировала среди немного поредевшего потока машин, обгоняла, подрезала, уходя от лобового столкновения со встречным транспортом, выезжала на разделительную полосу, пытаясь оторваться от преследователя, но ей это не удавалось. Как всегда бывает в таких случаях, на всем пути следования не попалось ни одного поста гибэдэдэшников. «Когда не нужно, – без особого раздражения подумал Китаец, обгоняя черную „Волгу“ и едва не зацепив троллейбус, отъезжавший от остановки, – вы стоите на каждом перекрестке».

В одном месте красная «БМВ», немного притормозив, свернула налево, направляясь в сторону нефтеперерабатывающего завода. Здесь транспорта было еще меньше, но дорога стала уже. Танин догадался о намерении пассажиров «бээмвухи»: выехать в безлюдное место и там разобраться с водителем «Массо» по-своему. «Ну-ну», – вслух сказал Китаец, сокращая расстояние, разделявшее его с «БМВ».

Сделав крутой вираж, дорога резко пошла в гору. Впереди был правый поворот, перед которым тащился рейсовый автобус, заполненный дачниками. «БМВ» лихо обошла его, а следом за ним и «Массо». Если бы сейчас появился встречный автомобиль, лобового столкновения было бы не избежать. За поворотом показался административный корпус нефтеперерабатывающего завода. Он со свистом промелькнул мимо двух мчащихся на огромной скорости автомобилей и остался позади.

Китаец еще сильнее надавил на педаль акселератора, сокращая расстояние до «объекта». Слева замелькал бетонный забор завода, за которым возвышалась огромная черная вышка с факелом наверху.

Танин достал из кобуры «ПМ» и положил его на колени: здесь уже можно было стрелять, не рискуя случайно попасть в какого-нибудь зазевавшегося прохожего. Это же поняли и сидевшие в «БМВ». Но ими руководил несколько иной мотив – они надеялись на полную анонимность, а значит, безнаказанность.

Китаец увидел, как в опущенное стекло задней правой дверцы «БМВ» высунулась рука с пистолетом, с которого был скручен глушитель (а может, это был совсем другой пистолет),

а потом бритая голова и почти половина туловища плечистого бандита. Танин слегка pokrутил рулем из стороны в сторону, отчего несущийся следом за «бээмвухой» «Массо», визжа колесами по асфальту, метнулся несколько раз от одной обочины до другой. Раздались три-четыре выстрела, но ни одна из пуль в джип Китайца не попала. Танин выровнял машину, взял «ПМ» в левую руку, высунул ее в окно и дважды нажал на курок. В заднем стекле «БМВ» появились два отверстия, и все оно покрылось частой паутиной мельчайших трещинок. С расстояния десяти-пятнадцати метров, которое разделяло обе машины, Танину было неплохо это видно. Он выстрелил еще дважды, пытаясь попасть в колесо, но промахнулся. Правда, одного он добился: перепуганный бандит, ведущий разговор с Заречным, сделал еще пару выстрелов, которые тоже не достигли цели, нырнул обратно в салон.

Дорога пошла вниз, а потом снова начался крутой подъем, после которого был левый поворот. Джип Танина был немного тяжелее, чем «БМВ», но более мощный двигатель позволял ему не отставать.

На подъеме Китаец еще прибавил скорость, почти вплотную приблизившись к заднему бамперу летящей впереди машины. Он решил, что на повороте, когда «БМВ» подставит ему свой бок, он выстрелит по колесам. Но стрелять ему больше не пришлось, во всяком случае, на этот раз. Водитель красной «бээмвухи», пытаясь уйти от преследования или хотя бы увеличить отрыв, не сбавил на повороте скорость, и центробежная сила вытащила правую сторону машины на обочину. Сцепление колес с дорогой от этого только уменьшилось, и теперь уже все колеса «БМВ», выбрасывая гравий, катились по обочине.

Поворот был почти завершен, и тут Китаец опять выстрелил. Хотя он и не попал в цель, но выстрел сыграл определенную роль. Водитель вместо того, чтобы, не сбавляя скорости, осторожными движениями руля вывести машину на твердое асфальтовое покрытие, решил с перепугу сделать это быстрее. Он резко крутанул баранку, и «БМВ» развернулась сначала почти поперек дороги, потом на какое-то неуловимое мгновение замерла на двух колесах, показав Китайцу свое брюхо, а дальше началось бешеное вращение машины вдоль своей продольной оси, как в лучших американских боевиках. Только на съемках таких сцен устраивают специальные мини-взрывы или используют трамплины, на которые автомобиль наезжает одним колесом. Здесь же все произошло самым естественным образом. «Бээмвуха» скатилась с небольшой насыпи и, еще пару раз показав брюхо, замерла, встав на четыре колеса. Китаец ожидал, что произойдет взрыв от детонации горючего... Так оно и случилось. Раздался чудовищный грохот, и «БМВ», подброшенная на несколько метров мощной взрывной волной, превратилась в эффектный сгусток зарева. Пламя с плотоядным шипением поглощало машину, обдавая окрестный воздух жаром.

Китаец резко затормозил и, включив заднюю скорость, сдал назад. Он сбежал вниз по пологой насыпи и добрался до полыхающего остова «БМВ». Еще с дороги, перед тем, как машина взорвалась, он увидел, что задняя дверка красного авто от ударов открылась и оттуда наполовину вывалился плечистый бандит, ноги которого остались на сиденье. «Не повезло так уж не повезло!» – пробормотал Китаец.

Дольше находиться на месте аварии было бессмысленно да и небезопасно. Вскоре здесь должен был пройти автобус с дачниками, который они обогнали пару минут назад.

Танин снова устроился на удобном сиденье «Массо» и, развернувшись, поехал в обратную сторону. Жаль, конечно, что не удалось пообщаться с братками, у которых можно было узнать кое-что об убийстве Монахова, но так уж получилось. Возможно, ребята понесли заслуженное наказание. Китаец закурил и прибавил скорость.

* * *

Добравшись до ближайшего таксофона, Танин позвонил Бухману.

– Что, мамуся, – с добродушной усмешкой отозвался Игорь, – ты и сейчас меня ничем не порадуешь?

– Ну отчего же, – таинственно и уклончиво ответил Танин, – есть кое-какие наметки.

– Можно ознакомиться? – бодро спросил Бухман.

– Ты лучше мне скажи, если я сейчас подъеду, ты сможешь уделить мне пару минут?

– О чем речь!

Китаец резко опустил трубку на рычаг и снова сел за руль.

За окном замелькали залитые солнцем тротуары. День неожиданно прояснился, последние стайки облаков ушли на восток. За ними еще тянулся мраморно-белый перистый архипелаг, но он не мешал солнечным лучам литься расплавленным золотом на город, заставляя витрины и стекла домов вспыхивать веселой радугой отражений.

Китаец надел темные очки и прибавил скорость.

Контора Бухмана располагалась в самом центре.

Тяжелая тугая дверь из темного дерева была отделана бронзой. Китаец с силой потянул ее на себя и вошел в прохладный вестибюль, где серому в черных прожилках мрамору компанию составляли песочного цвета панели и ковровые дорожки, застилавшие лестницу и небольшой коридор.

Китаец «салютовал» консьержу – хмурому, неразговорчивому мужчине – и остановился возле двери с латунной табличкой, извещавшей, что прием ведет член областной коллегии адвокатов Бухман Игорь Юрьевич. Китаец деликатно постучал и, услышав любезно-гостеприимное «войдите», толкнул дверь.

Он очутился в просторной приемной, где за черным офисным столом за новеньким пентиумом сидела незаменимая и бессменная Софья Константиновна. Элегантная, хотя и довольно тучная, она всегда была безукоризненно накрашена и в меру надушена. Ее иссиня-черные короткие волосы, тщательно уложенные в прическу, поражали своим «фруктовым» блеском. На Софье Константиновне была миленькая желтая кофточка в черный горошек, из нагрудного кармашка торчал симпатичный платочек. Увидев Китайца, она ироничным жестом немного сдвинула с носа очки, взглянув на него поверх них, широко улыбнулась и, обменявшись с ним понимающими взглядами, кивнула на внутреннюю дверь. Китаец проскользнул в уютный кабинет Бухмана.

Тот сосредоточенно что-то читал, положив локти на стол, как прилежный школьник.

– Готовишь диссертацию? – шутливо спросил Китаец, когда Бухман поднял на него свои миндалевидно-близорукие глаза.

– Речь в суде, – улыбнулся Игорь. – А ты, мамуся, смотрю, взял быка за рога.

Китаец плюхнулся в кресло и закурил. Бухман тоже достал из лежавшей на столе пачки сигарету и стал вертеть ее между пальцев, подобно виртуозному фокуснику.

– Ты сказал, что Монахов был менеджером ресторана «Золотой рог», так?

– Ага. – Бухман вставил сигарету в угол рта и прикурил от своей позолоченной зажигалки с фамильной гравировкой.

– Меня интересует его деятельность, ты ведь говорил, что консультировал его.

– Да. Скажу без ложной скромности, мамуся, что благодаря моим консультациям он выиграл дело в суде. Правда, во время суда – а он длился почти два года – ему пришлось изрядно понервничать...

– Ты о чем? – Китаец внимательно посмотрел на друга.

– О том, что на помещение зарился БТИ. Олег приватизировал сданное ему в аренду помещение, причем в этом ему помог, то есть дал добро, сам начальник БТИ. Скорее всего, подмахнул документы не глядя, а потом опомнился и захотел расширить свои владения и выселить моего приятеля. Тот духом не пал, обратился ко мне и затеял процесс. Я открыто не

защищал его права, он сам мужик был с головой, но консультациями моими пользовался. И выиграл дело! Скажу тебе, мамуся, шансов у него было очень немного, но... Он такой упрямый.

– А зачем ему вообще понадобилось это помещение?

– Он решил организовать там ночной клуб, но, выиграв дело, продал его – слишком много воспоминаний! – с горькой иронией улыбнулся Бухман.

– Монахов работал самостоятельно? – Китаец заложил ногу на ногу.

– Это было год назад, мамуся... Тогда Олег еще не был менеджером «Золотого рога», вполне естественно, что он отважился работать без «крыши», – вздохнул Бухман. – Имей он тогда «крышу», не стал бы обращаться в суд.

– Ты говоришь, что он пережил немало неприятных минут...

– Прямых угроз, конечно, не было, но косвенные намеки... – Бухман многозначительно кашлянул. – А ведь этот начальник имел с Монаховым поначалу вполне дружеские отношения. Но бизнес есть бизнес, – невесело усмехнулся Бухман.

– Начальник БТИ был связан с бандитами?

– Кто его знает? – выпятил губы Бухман. – Скорее всего – да, а может, и нет.

– А кто «крышует» «Рог»? – Китаец выпустил струйку дыма к потолку.

– Это был участок Тархуна, но, как ты знаешь, уже полгода, как он отдыхает на кладбище. Да я, честно говоря, не особенно интересовался этим. Монахов меня не посвящал в подробности. Знаю только, что «крыша» есть, – Бухман снова кашлянул, выпустив облачко дыма.

– Каким образом Монахов попал в «Золотой рог»?

– Этот ресторан входит в холдинговую компанию «Геликон». Холдинг, насколько мне известно, владеет акциями мясокомбината, молокозавода и, кажется, еще пары-тройки предприятий. Продав помещение под клуб, Монахов вложил деньги в «Рог».

– Кто возглавляет «Геликон»?

– Замятин Алексей Петрович. – Бухман загасил сигарету в большой хрустальной пепельнице.

– Твой друг что-нибудь рассказывал о нем? – Китаец тоже затушил окурок и тут же принялся за новую сигарету.

– Да ничего особенного, мамуся. Нормальный, говорил, мужик, только трусоват немного и иногда палку перегибает.

– В чем же заключается перегиб? – заинтересовался Китаец.

– Олег не распространялся, он вообще старался как можно меньше говорить о работе. Тогда, когда отдыхал, – с грустной улыбкой уточнил Бухман.

– Олег имел акции ресторана?

– Да, но сколько, мамуся, я не знаю. Это можно уточнить у Лены.

– Если она не побоится сказать, – усмехнулся Китаец.

– Ты думаешь, что убийство Олега связано с его деятельностью?

– Думаю. Его убили какие-то отморозки. Они подкупили охранника, которого потом укололи у меня на глазах. Я погнался за ними, но так и не смог с ними побеседовать, – выразительно взглянул Китаец на друга, – их машина сделала сальто-мортале и превратилась в груды пепла. Я не успел принять их последний вздох... Ясно, что эта «сладкая парочка» выполняла чье-то распоряжение. На киллеров они не похожи, хотя стреляют профессионально. Может, это «крыша» решила расправиться со своим строптивым подшефным?

– Ты у меня спрашиваешь, мамуся? – Бухман бросил на Китайца ироничный взгляд.

– Нет, у неба. – Китаец растянул губы в улыбке. – Ты случайно не знаешь, где я смогу побеседовать с Замятиным?

– Ты найдешь его в офисе на Большой Казачьей, рядом с магазином «Сапфир»... Ну, там, где всякая видео- и аудиопродукция продается. Двухэтажное здание, особняк в стиле модерн.

– Знаю, – кивнул Китаец.

– Шикарное здание, мамуся, – с завистливым вздохом произнес Бухман, – а внутри – настоящий рай для дельцов от мясомолочной отрасли!

– У вас тут тоже неплохо, – улыбнулся Китаец, – просторно, прохладно и со вкусом. Хаокань, как говорят в Китае, то есть красиво.

– Кофе выпьешь? – Бухман пропустил мимо ушей реплику Танина.

– Нет, спасибо, – Китаец сделал слабый отрицательный жест рукой, – боюсь, что, если я и дальше буду поглощать его в таких количествах, мне грозит вечная жизнь.

– Не пойму, ты о чем, мамуся?

– Выяснилось... буквально на днях, – хитро посмотрел на недоумевающего Бухмана Китаец, – что кофе препятствует атеросклерозу и прочей старческой ерунде, всяким там закупоркам и перемычкам в мозгу.

– Но это ж чудесно! – воскликнул Бухман. – А, – махнул он рукой, – вы, китайцы, смотрите на жизнь как на досадную текучку, улаживая себя мыслями о тленности и бренности.

– Ты занялся изучением наследия Лао Цзы? – пошутил Китаец.

– Достаточно взглянуть на тебя, мамуся, – с притворной горечью ответил Бухман. – Несмотря на весь твой героизм и ангажированность, в тебе есть что-то глубоко пофигистское... Я вообще на китайцев, не в обиду будет сказано, смотрю, как на этаких старичков. Не успеют родиться – бац, уже старички! Коммунистические стройки, присяга Мао и прочий бред здесь ни при чем, – он разрубил ладонью воздух, – наша древность не давит, а ваша... В общем, это балласт!

– А мне мои соотечественники скорее, наоборот, напоминают детей. Все самое ценное в опыте и морали они хотят непременно зафиксировать в виде таблицы, так что самое доброе и вечное, то, что должно питать человека и познаваться им самим, пускай ценой ошибок и скитаний по извилистым тропам, вырождается в серию выхолощенных предписаний и церемоний. То рвение, с которым они делают, вернее, делали это, выглядит весьма наивно и походит на потуги ребенка, верящего в могущество слов и букв, их составляющих. Вот откуда коммунистический ажиотаж и Мао. Дракон, со спины которого якобы списывал законы Фу Си-ши, давно издох, а китайцы упорно не желают знать этого. – Китаец затушил сигарету и поморщился от досады. – А пофигизм, на мой взгляд, не что иное, как отдушина, своеобразная защита от социальной зашоренности этого славного народа, к которому я принадлежу лишь наполовину...

– ...и поэтому критикуешь его, – рассмеялся Бухман.

– Думаю, что полукровкам самой природой дан шанс стать выше национальных догм.

– Смелое заявление, мамуся. – Бухман поднялся и зашагал по кабинету.

– А может, все эти правила нужны лишь для того, чтобы закамуфлировать бессмыслицу жизни? – Китаец задумался. – Вот ведь и Конфуций учил, что неблагоприятно заниматься в одно и то же время разными делами... Постепенность, последовательность, неспешность, чинность и почтительность. Ладно, внемлем нашему дорогому реаниматору древних обрядов.

Танин поднялся с кресла.

– Уже уходишь? – Бухман стоял у окна, держа руки в карманах, и удивленно смотрел на Китайца.

– Ты мне обещал адресок Лениной сестры, – напомнил Китаец. – Попробуем опровергнуть великого Киеу.

Глава 4

Выстроенный в начале века особняк, о котором говорил Бухман, был недавно отреставрирован и радовал глаз свежей штукатуркой фасада и выложенным разноцветной плиткой цоколем. Предъявив консьержу вместо пропуска лицензию частного детектива, Китаец поднялся на второй этаж и, миновав нишу, разделявшую широкий, укатанный ковровой дорожкой коридор на две равные части, остановился перед дверью в кабинет президента. Дверь неожиданно открылась, выпуская одетую в светло-бежевый льняной костюм женщину. От неожиданности она едва не вскрикнула и замерла, округлив свои зелено-карие глаза. Ее каштановые волосы, открывая лоб, блестящими кольцами падали на плечи. Она смущенно улыбнулась и продефилировала мимо Китайца. Он постучал в дверь, глядя вслед удаляющемуся силуэту. Китаец оценил стройность, как, впрочем, и глаза прекрасной незнакомки, удлинённые и насмешливо-лукавые.

– Войдите, – ответили на его стук.

Он толкнул дверь и очутился в большой светлой комнате, уставленной компьютерами и офисной мебелью. Пол застилал огромный синий в красный рисунок ковер. На окнах висели поднятые жалюзи, давая солнечным лучам невозбранно проникать внутрь. За столом сидела яркая брюнетка лет сорока, немного полноватая, но привлекательная. Кроме нее в приемной находились несколько посетителей, среди которых внимание Китайца привлек молодой человек с зачесанными назад темными волосами и крупным орлиным носом. Парень был одет в светлые брюки и голубую рубашку. На запястье у него поблескивали часы в золотом корпусе. Вид у него был отчужденный и немного высокомерный. Рядом с ним сидел пышнотелый пожилой мужчина с одутловатым лицом. Он отдувался и без конца утирал платком лоб. У него была простонародная внешность, брюки, кое-как поддерживаемые ремнем, с трудом вмещали его брюхо, громадной волной жира перекатывавшееся через пояс. Если бы его посадили за рояль, он не достал бы руками до клавиш.

– Добрый день, – мягко улыбнулся Танин, – мне нужен Алексей Петрович.

– Он всем нужен. – Брюнетка кинула на вновь вошедшего ироничный взгляд и кивнула на оживших посетителей.

На их усталых потных лицах появилось беспокойное выражение, вызванное опасением, что их обойдут. Их опасения оказались не напрасными.

– Мне он нужен срочно, я не могу ждать, – Китаец, в два шага приблизившись к двери в кабинет генерального, смело толкнул ее.

Хозяин кабинета, оформленного в сухом офисном стиле, сидел за большим черным столом, водрузив один локоть на его поверхность. Другой рукой он теребил карандаш. Его открытое лицо с зачесанными назад сидящими волосами вполне могло вписаться в кабинетную рутину какого-нибудь старинного обкома – настолько невыразительным и холёным оно было. Чисто выбритое, оно своим серым унынием напоминало пыльный тротуар. Даже складка между бровей, обычно придающая лицу нечто бунтарско-неспокойное и упрямо-серьезное, была не способна развеять впечатление утомления и меланхолии с поправками на совдеповскую банальность. Пустой взгляд и две морщины, идущие от углов рта к округлому подбородку, не прибавляли Замятину очарования. Китаец сразу понял, что этот усталый человек со стерильным лицом кадрового партийца не расположен к беседе с ним. Удивление наглостью Китайца на малопривлекательной физиономии Замятина сменилось откровенным недовольством. Может быть, потому, что в кабинете он сидел не один. Рядом с его столом валяжно развалился в кресле лысоватый мужчина лет сорока пяти. Он обернулся и с нагловатой неспешностью принялся рассматривать Танина, склонив голову набок, точно взвешивал и прикидывал, чего тот стоит. Густые темные усы нависали над верхней губой, почти пряча ее. У посетителя

были серо-голубые, глубоко посаженные глаза, прямой крупный нос, высокий выпуклый лоб и вытянутый подбородок. Узел его синего, в белых каракулях галстука был ослаблен. В зубах он держал трубку. На столе стояли две кофейные чашки из белого фарфора с волнистыми краями и рисунками на пастушескую тему. Каждый пасторальный эпизод был обведен тонкой золотистой линией.

– Что такое? – возмутился хозяин кабинета.

В этот момент в кабинет втиснулась разгневанная секретарша.

– Алексей Петрович, – растерянno и виновато воскликнула она, – я ничего не могла сделать. Он, – она скосила глаза на Танина, – даже не представился, ворвался... – Женщина задыхалась от волнения.

Замятин поднял руку: мол, понятно, хватит тараторить. Брюнетка умолкла.

– Здравствуйте, – воспользовался Китаец мгновенной паузой, – меня зовут Танин Владимир Алексеевич. Мне нужно поговорить с вами о Монахове. Извините, что так получилось, – Китаец изобразил раскаяние, – но я не могу ждать.

– Он умер, уважаемый, – скривил губы в горькой усмешке Замятин, – и кто вы, простите, чтобы обсуждать с вами...

– Друг его друга, – уклончиво ответил Китаец. – Вы уделите мне несколько минут?

Танин заметил, что Алексей Петрович скользнул выжидательным взглядом по лицу лысого с трубкой. Танин не мог видеть выражения лица последнего, потому что тот уже отвернулся и сидел к Китайцу затылком, но понял, что «трубач» заинтересован.

– Хорошо, – неожиданно согласился Замятин, – Ольга Григорьевна, мы разберемся.

Секретарша бросила на шефа недоуменный взгляд, пожала плечами и, покачивая полными бедрами, вышла из кабинета.

– Садитесь, – Замятин показал рукой на стоящее возле стола кожаное кресло.

Китаец поблагодарил и сел напротив мужчины с трубкой за стол, упирившийся торцом в стол хозяина кабинета. Теперь он видел вблизи и анфас лицо этого молчаливого посетителя. На губах последнего заиграла хитроватая улыбочка. Он не смотрел на Китайца, но Танин чувствовал на себе магнетизм его присутствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.